

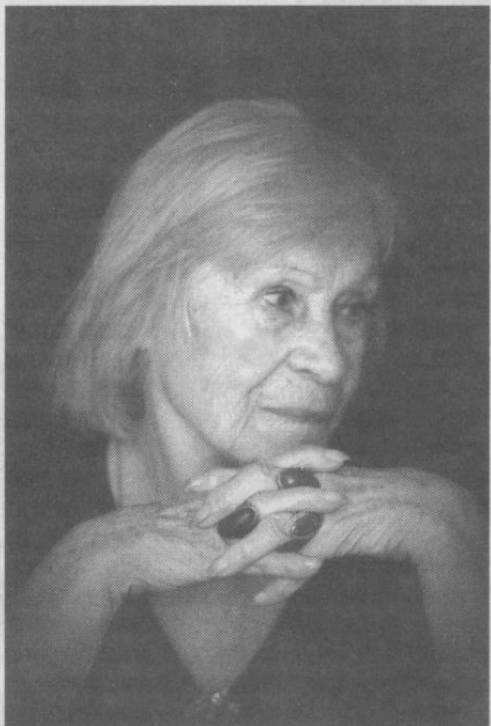
Маргарита СЕРГИЕНКО: «Начинаю гордиться тем, что прожила жизнь на одной улице»

Алексей СИККОРСКИЙ

АВТОР многих статей и нескольких книг, посвященных нашему городу, рассказывает о себе и своей «малой родине»

Маргарита Викторовна Сергиенко - представительница редкого племени не просто сумчан, а сумчан коренных, родившихся и проживших жизнь в этом городе. Родом Маргарита Викторовна из дворянской семьи, о чем осмелилась говорить не шепотом только пару лет назад. (Эпоха с 1917-го по 1991-й нагнала страху, от которого страшно было избавляться).

Маргарита Сергиенко закончила Харьковский Государственный университет по специальности «иностранные языки», вернулась в родной город и около тридцати лет — сама точно вспомнить не может — преподавала английский язык в Сумском педагогическом институте им. А. С. Макаренко. Теперь — пенсионерка, но, если можно так сказать, пенсионерка действующая, активная, отнюдь не классический тип «бабушки около подъезда». Продолжает дружить с творческой интеллигенцией, чем занималась

▲ МУДРОСТЬ И ОПТИМИЗМ. Эти качества формируют красоту человека и человеческих отношений

«Не люблю, когда легко!»
- сказала Маргарита Сергиенко, когда речь зашла о поэзии. Но только уже написанной кем-то

в жизни города, но в большинстве - обеспеченные, принадлежавшие к высшим слоям своего общества. В советское время не было ли сложностей с публикациями?

М. С.: Я писала о них правдиво, но красиво. А мои цензоры — да, цензоры есть всегда — те цензоры не слишком глубоко погружались в материал.

▣ Ваши интересы наверняка не ограничиваются одной-двумя улицами в городе или одним городом. Ведь это часть огромного мира.

М. С.: О, раньше мы много путешествовали! Однажды компанией доехали на мотоциклах почти до Байкала. Три человека - три мотоцикла, представляете?! Путешествовали по Украине, России. До сих пор влюблена в старинную русскую архитектуру.

▣ Какие перемены в жизни города Вам наиболее запомнились?

М. С.: У меня все воспоминания связаны с людьми. Например, помню, что моя мама была дружна с Корепановыми, они бывали у нас в гостях. И о других замечательных людях, с которыми сводила судьба, я рас-

краеведческие эссе о Сумах и выдающихся или просто интересных сумчанах. Этому помог сохранившийся семейный архив и материалы, собранные в течение жизни. Яркой, активной и творческой жизни в дружбе со многими другими, способными эту жизнь адекватно понимать и чувствовать.

■ Мы знакомы с некоторыми коренными сумчанами, помнящими свои семейные истории. Но откуда у Вас такой системный подход исследователя в сочетании с непосредственностью, даже доверительностью?

М. С.: Это теперь большая редкость — родиться и прожить жизнь на одной улице. Я ведь только один раз переехала с одной квартиры на другую — из дома на Троицкой, где родилась, в пятиэтажку на той же Троицкой, только напротив. Дом, который в свое время купил мой дедушка, выкупили современные состоятельные люди, предоставив мне вот эту квартиру с удобствами. А что — ванна, кухня, две комнаты, а улица — та же, родная. У нас сохранился семейный архив, кроме того, я в течение 25 лет была квартирной, таким образом знакомилась со всеми местными жителями на Троицкой-Держинского, на Псельской, в Чугуевском переулке. Разговаривала со многими коренными сумчанами откровенно, слышала много такого, чего не найдешь ни в одной энциклопедии. И постепенно стала понимать, что все это представляет собой уни-

не исчерпывается

кальный пласт информации, должно быть зафиксировано, записано, иначе пропадет. Так стали появляться мои книжки, которые я называла «Путешествие с дилетантом...», ну и далее — по смыслу и содержанию. Название я нахально позаимствовала у Окунджавы, но честно в этом признаюсь. Одна из книг - «Путешествие с дилетантом, или Мой дом в интерьере Троицкой». Это не исследование, а частные воспоминания начиная с самых юных лет, попытка воссоздать образ времени, тем самым сохранить живую связь времен. Мой дом (я до сих пор называю его так) на углу Троицкой и Чугуевского переулка мой дедушка купил в складчину с другими людьми в 1919 г. Наша семья из Курской губернии, из Карачева. Почему переехали — не помню, мне, маленькой не рассказывали. Но вот современный наш художник Михаил Лебедь, начитавшись моих воспоминаний, изобразил бабушку и дедушку в один из самых экстремальных моментов судьбы.

■ Это не портреты, но Вы воспринимаете рисунок как документальное воспроизведение событий?

М. С.: Да, все так, как было, или приблизительно так. Видите, на улицу выходить опасно, то, что делается снаружи, лучше наблюдать сквозь небольшую щелочку. Дедушка — офи-

цер, но все, что может выдать в нем офицера, снято: кокарда, погоны, португепе валяются на столе. А этот сенбернар по имени Лев — тоже действительный персонаж, он учил меня ходить. Когда я только становилась на ножки, цеплялась за его шею, и он мне помогал. Все нарисованное — правда. Если не в деталях, то по сути. Миша Лебедь начитался моих воспоминаний, сделал рисунок и подарил. Сердечно ему благодарна!

■ Пока речь шла о детстве, проведенном в безвозвратно ушедшем мире. Ну а потом, когда Вы повзрослели, было ли вам интересно жить совсем в другой стране?

М. С.: Никогда не скучала. В ХГУ учиться было интересно, к нам в университет пришли работать четверо бывших эмигрантов. Это были удивительные люди, они нам рассказывали много нового, ведь мы тогда, когда я была студенткой, жили в мире закрытом. И стали понимать, что возможны иные отношения в обществе, что люди бывают другими. Еще очень большое влияние на меня оказали лекции Сергея Ивановича ПОБОЖИЯ, которые он читал несколько лет назад в галерее «Академическая», которая в Академии банковского дела. Он рассказывал не только о художниках, но и о культуре вообще, о ста-

«ДНИ ТУРБИНЫХ!» Невозможно скрыть, что этот, в шинели — офицер. Хоть погоны сними, хоть Шариковым переодень, все равно - «их благородие»

рых и современных тенденциях и выдающихся людей. Тогда мы с друзьями стали небольшими тиражами издавать тоненькие книжечки для узкого круга читателей. Например, переводы Шекспира, которые делала ныне покойная Евгения ЧЕРНЕЦКАЯ, переводы Шелли и Томаса Харди, сделанные моим бывшим студентом Павлом КРИЧЕВСКИМ, духовные стихи в переводе Маргариты Сергиенко. Мы дружим и сотрудничаем с Василием КЛИМЕНКО. Он — литератор, поэт и художник. Художником стал с моей подачи — просто заставляла его писать! И вот в моей коллекции несколько его замечательных работ. У человека этого судьба сложная — прикован к инвалидному креслу. Но сколько он успел сделать и сколько, я уверена, сделает еще!

■ У Вас дома большая коллекция картин современных сумских художников. Вы ее целенаправленно собирали?

М. С.: О, это только часть того, что было! Когда я жила в доме напротив, в своем родном, там были очень большие комнаты с высокими потолками. Прекрасное место для регулярных сборов друзей. Юденков, Шкарупа, Гидора — все они бывали у меня в гостях. Для меня они были просто Миша, Валера, Аня. И много других, которых экспромтом,

пусть простят, не вспомню. Они дарили, дарили свои произведения. Так образовалась «Третьяковская галерея Риты Сергиенко» в Сумах на Троицкой. Для всех картин хватало места, и для книг тоже. Книжки сохранились еще от бабушки. Когда мы с мамой уезжали в эвакуацию, в дом вселился какой-то высокопоставленный немец. Так вот, он ничего не тронул, вернулись из Грузии — библиотека цела.

■ Так куда же все делось?

М. С.: Когда дом выкупили у всех проживавших современные преуспевающие бизнесмены, мне предоставили вот эту квартиру — две комнаты, зато с удобствами. А переезжать-перевозить — я абсолютно беспомощная. Помогали друзья, художники в основном. В эти две комнаты все не помещалось, друзья решили кое-что на ночь сложить в сарай. Там еще какие-то вещи были кроме картин. Сложили, повесили замок, а к утру — в сарае чисто, только две бумажки на полу. Народ в Сумах оперативный, деятельный. Так и не знаю, куда делась моя «галерея».

■ Зачем дворовому вою, «раклам» современная живопись?

М. С.: Не спрашивайте! Там было много моих портретов. Обидно!

■ Персонажи из Ваших исторических эссе — люди, сыгравшие заметную роль

не помню, с какого момента люди стали меняться. Сошла красота, порядочность, исчезло самоуважение и — как следствие — уважение взаимное. Все, к сожалению, на моих глазах. Но персонально называть не хочу — не наш это уровень.

■ Я слышал, что Вы не дружите с современной техникой. Это правда?

М. С.: Ой, мне подарили компьютер — монитор, там внизу еще какой-то ящик. За неделю я набрала слово «Рита» и поняла, что подарок не для меня. Передарила все это своей подруге — и выиграла: она теперь для меня набирает все, что попрошу. Вообще, я из другого времени. Из той эпохи, когда стирали на стиральных досках, гладили чугунными утюгами с углями внутри, пекли пироги, собирали гостей и общались между собой глаза в глаза, а не клавишами и телефонами.

■ Существуют ли люди, которые безусловно влияют на Вас, помогают, служат примером?

М. С.: Вот фотография такого человека. Это моя любовь, без шуток. Стивен Хокинг, английский физик, разработавший новые теории возникновения мира и многих космических процессов. Инвалид, прикованный к креслу, наполовину «механизированный» с помощью современных протезов. Но остались нетронутыми интеллект, душа и воля к жизни. Когда мне плохо — разговариваю с ним и понимаю, что я сильная, что все у меня получится. **■**